

Александр
Ширвиндт:

Я ПЬЮ КРОВЬ

- Вообще-то, Александр Анатольевич, собрался поговорить сегодня совсем о другом, но после того, что узнал от вашей супруги, из головы не идет один вопрос: как вы можете?

- Могу ли я, но как? Ну как? Когда очень приспичит, могу.

- Это вы о чем?

- А ты о чем? Я о жизни.

- А я о вашей привычке есть вареный лук. Как представил сию картину, сразу понял: от человека, способного употреблять ЭТО в пищу, можно ожидать любого.

- Твоя правда. От меня можно ждать всего или... ничего. Что ни говори, а я выбрал себе очень удобное хобби - конкурентов нет. Мне ведь лук ташат все соседи. Представляешь, сколько за день набирается, если учесть, что живу я в высотке на Котельнической набережной, а это целый город?

- И вы весь съедаете?

- Только самый отборный. Предварительно проверяю: а вдруг обо мне поздно вспомнили и выковыряли луковичку уже из помойного ведра?

А мы так и будем беседовать о моих гастрономических пристрастиях? Полагал, и о театре немного потолкуем, коль уж встретились здесь.

- Да проше пареной репы, Александр Анатольевич! Хотите поделиться опытом хождения в театральную власть?

- Понимаешь, какая история... Тридцать... сколько?.. тридцать два года я в этом театре, и ситуация сложилась так, что дальше нельзя было откладывать решение накопившихся вопросов. Приперло. Плучеку 91 год, в театр он не ходит, в общем, стали мы потихоньку тонуть. Кто спасет? Принялись озирается, а позвать на подмогу некого.

- А вы на что?

- А что я? Передо мной стояла дилемма: или уходить из театра в спокойную и сытую - относительно, конечно, - антрепризную жизнь, или зажмуриться, попробовать договориться и продержаться здесь. Амбиций у меня никаких нету. Единственное мое желание - не дать «Сатире» загнуться.

- Разгибать, наверное, будете при помощи кровопускания?

- Ты о трупше? С двумя буквами «п»? Я не собираюсь совершать неслыханных революций - ни кадровых, ни творческих.

- Но новая кровь театру нужна, согласитесь.

- Не спорю... Хороший урожай дали вузы, среди выпускников есть интересные, способные ребята. Мы уже смотрели щупинцев, но я не хочу брать, абы взять. Мне нужны вполне определенные типажи. Скажем, с героями у нас проблемы, Мироновых маловато, в смысле - Андреев...

- Их не только у вас маловато.

- Вот и ищи...

- Приток новых лиц будет сопровождаться оттоком старых?

- Нет, это порочная система. Хочу сохранить всех.

...Конечно, плохо, что для труппы я свой. Тут же одни Васи, Мани, Шуры. С другой стороны, мне не нужно знакомиться с коллективом. Видишь, приемная пуста? Пришел бы сюда чужак, многие перед ним хвост распустили бы, животы повтягивали бы и стали рассказывать, какая здесь прежде была тюрьма. А так... Зачем людям ходить на смот-

Верный пес готов терпеть даже трубный аромат. А подымит Ширвиндт любит!

рины, если я знаю их как облупленных?

- Название театра не кажется вам анахронизмом?

- Это дань истории, традиции. Когда-то, во времена невозможности, тут творились невероятные вещи. Сколько у того же Плучека закрытых спектаклей? Страшно вспомнить!

«Теркин на том свете», «Были Иван Иванович», «Доходное место», «Самоубийца»... Все не перечислишь. Даже я успел отличиться: комиссия не приняла постановку «Недоросля», которую мы делали вместе с Юликом Кимом. Спектакль закрыли, увидев в нашей работе издевательство над классикой. А какая сегодня может быть сатира? Точно так же не представляю, что нужно сотворить, дабы сегодня закрыли спектакль. По сцене уже ходит голый Онегин, а Тригорин, оказывается, педераст... Признаться, не хочется участвовать в подобном соревновании, кто круче.

- Но вы с Державиным можете, к примеру, «голубую» парочку сыграть.

- Что в этом особенного? Старые педерасты... Убогое зрелище - его, если и закроют, то лишь из жалости...

- А может, чем-нибудь старорежимным позабавить публику?

- Поставить «Сталеваров»? А что, ты подальше... Если же говорить серьезно, сегодня трудно с сатирой на сцене, поэтому вместо нее остался театр имени Сатиры, памяти Сатиры... Но репертуар нужно обновлять - это ясно. Сейчас на малой сцене замечательный педагог Иванов ставит с нашей молодежью «Время и семья Конвей». На основной площадке Арцибашев репетирует «Орнифль, или Сквозной ветерок». Оба спектакля мы должны дожать в этом году, чтобы начать новый сезон с премьер.

- С Плучеком после развода вы не виделись?

- Как не виделись? Я регулярно бываю у Валентина Николаевича, мы советуемся, треплемся. По ключевым вопросам прошу благословения.

- Получаете?

- Не сомневайтесь... Кажется, уже все понял, что в этот кабинет я пришел не за славой. Поверь, мне проще было бы и дальше пробавляться антрепризой, сольными гастрольями. И ответственности меньше, и денег, между нами говоря, больше.

- А кино?

- Ну-у-у, что ты! То, что сейчас снимается, назвать кинематографом можно лишь с натяжкой. Приятные междосбойчики, тусовка для старых знакомых. На мой взгляд, многое делается исключительно ради «Кинотавра» и «Ники», но никак не ради зрителей. Так что кино для меня не вариант. Театр - это да. Вот и приходится сидеть в этом кабинете, заваривать новые постановки, искать пьесы, режиссеров...

- Кстати, о кабинете. Он у вас с иглопочкой, придраться не к чему. Только свежей краской пахнет.

- Да, покрасили...

- Блюдете традиции: новый начальник обязан начинать с перестановки мебели и переклейки обоев?

- Ну у Валентина Николаевича Плучека был свой вкус... Правда, то, что ты видишь, не мой стиль, так директор распорядился, он ремонтом руководил.

- И портрет Путина на стену тоже он повесил?

- На день рождения Андрюши Миронова мы сделали спектакль, на который пришли представители администрации президента, мои друзья. Они принесли это фото и сами же ему место нашли. Снимать портрет я не стал. Это непедагогично. Пусть висит. У кого-то из классиков, к слову, был рассказ о двубортном портрете: на одной стороне - Ленин, а на второй - государь император. Хозяин шедевра ориентировался по ситуации, по тому, какая власть была в городе...

- И у вас картина-перевертыв?

- Нет, односторонняя. Можешь посмотреть... Я Путина еще по Ленинграду знаю. Мы дружились с Собчаком,

Новый художник Театра
сатиры не ввязывается
в скандалы, обожает
вареный лук и верит
в приметы

он даже в шутку называл себя Ширвиндтом наоборот...

- В каком смысле?

- Ну меня зовут Александром Ана-

тольевичем, а Соб-

чака - Анатолием Александровичем...

- У вас еще топорик на стене висит. Тоже друзья принесли?

- Да, и это подарок. Чтобы каждый входящий знал: при-

случае я могу отрубить ему что-нибудь.

- Пускали холодное оружие в ход?

- Пока не доводило до греха... Не такой уж я кровожадный, хотя и вампир.

- ?!

- А как вы хотели? Я сорок два года преподаю в институте, а это чистый вампиризм - пью чужую молодую энергию, высасываю ее из студентов.

- Или студенток?

- Из всех. Энергия исходит от каждого. Серьезно тебе говорю! Я получаю поразительную инъекцию, иначе давно бросил бы преподавание. Это ведь минус деньги, минус время. Все компенсируется зарядом, идущим от аудитории, какие бы порой шпана и дурачки в ней ни сидели. Когда на тебя смотрят двадцать пять пар глаз, это подпитывает.

- А говорят, что зал не только дает, но и берет. Особенно зал зрительный.

- Уж не знаю, что от меня можно взять... Я под зрителей никогда не подстраивался, хотя есть мнение, будто для разной публики надо играть по-разному.

- Передо мной стояла дилемма: или уходить из театра в спокойную и сытую антрепризную жизнь, или попробовать договориться и продержаться здесь.

му. Покойный Аркадий Райкин всегда интересовался, кто пришел на концерт, а потом выступал... с одной и той же программой - что в Академии наук, что на заводе, что в Консерватории... Даже, помню, на актерских посиделках и «капустниках» в ЦДРИ, в Доме актера Аркадий Исаакович работал свой репертуар. Он считал, что тусовочные хохмы и забавы разжижают профессию, и меня активно отговаривал не увлекаться подобными вещами.

- Получается, проигнорировали совет мэтра, Александр Анатольевич? Вы ведь откровенно не гнушаетесь всех этих развлекалочек-завлекалочек.

- На самом деле гнушаюсь, но на нас с Державиным уже лежит

юбилейно-поздравительное клеймо. Стараемся отказываться, выступаем, когда совсем уже нельзя открутиться, но отмыться, ты прав, трудно... Надоело.

- А если попадаете товарищ, который, как говорится, не понимает и пытается силой затащить вас на очередное торжество по случаю? Можете послать особо недоброжелательного по известному адресу?

- Послать, разумеется, могу, но вообще-то я доброжелательный человек, терпеливый. Надо хорошо постараться, чтобы меня раззадорить. Я не жду от других подлости и сам стараюсь не делать.

- А если книжки почитать, впечатление о вас другое складывается...

- Значит, внешность обманчива, и я хорошо умею скрывать суть. Но разве в книгах у меня такой отвратный образ?

- Книжки ведь разные есть. Не только вами написанные, но и о вас.

- А-а-а, ты об этом, о Егоровой... Ну-у-у, знаешь, в этом случае психиатрическую экспертизу давно пора делать.

- Если вас оболгали, почему молчите, не отвечаете? Татьяна Егорова вашей персоне в своих книгах и интервью посвятила немало слов. Картинка в итоге рисуется еще та...

- Старик, она же только и ждет, чтобы яотреагировал. Зачем мне ввязываться в эти выяснения, скандалы? Кстати, когда-то именно я привел Егорову с первым рассказиком в «Литературную газету», так что, можно сказать, помог ей сделаться писательницей.

- На свою голову.

- Бог с ней. Не надо об этом. Не хочу.

...Конечно, радости мало, когда твоё имя начинают публично полоскать. Но я ведь знаю подоплеку всего происходящего. Если бы у меня было рыло в пуху, тогда бы суетился, а так... Мало ли, что пишут и говорят. Сейчас ведь полная вседозволенность. Так называемой цензуры нет, и все счастливы, забывая при этом, что корень-то в слове «ценз», а это вещь совсем не бесполезная...

- И когда вас прилюдно эстрадником называют, не обижае-

тесь? - Во-первых, для меня это не оскорбление. Я высоко ставлю эстраду, всю жизнь на нее и на ней работал. Другое дело, что на эстраде в последнее время появилась масса дешевки, но жанр здесь при чем? Это вопрос вкуса, профессионализма каждого конкретного исполнителя. Я, к примеру, в работе - да и в жизни - привык полагаться на опыт, знания, хотя, безусловно, и интуиции доверяю. В итоге иногда получается ужасно, но чаще чутье меня не подводит. Предпочитаю принимать быст-

Ширвиндт Александр

МОЛОДЫХ АКТРИС

рые решения. Правда, действую медленно...

- Чтобы успеть остановиться в случае чего?

- Нет, решив однажды, иду до конца. Я ведь работаю в третьем театре. Много времени провел в «Ленкоме», прожил там счастливое время с Эфросом, потом вместе с ним и десятком других актеров ушел на «Малую Бронную». А затем была дикая история, когда меня обвинили в предательстве учителя...

- После вашего перехода от Эфроса в «Сатиру»?

- Ну да... Никого я не предавал, поступил осознанно, все взвесив и решив. Расстались мы без скандалов и обид, поняв друг друга...

Это если говорить о профессии. В повседневной жизни с решительностью дела обстоят несколько сложнее. К примеру, есть суеверия, которые перерастают в привычку. Переступать через них бывает трудно... Ты знаешь, что в лифте надо ехать на одном дыхании? Ну что ты! Это очень важно! Вдыхаешь при входе и выдыхаешь только при выходе. Иначе удачи не будет. День потерял.

- Вы на каком этаже живете?

- На третьем.

- А я на семнадцатом. Разницу чувствуете? Вдруг дышалки не хватят?

- Надо терпеть! И я ведь иногда в чужих лифтах поднима-

юсь и спускаюсь. Порой пока до нужного этажа доберешься, несколько остановок сделать приходится - кто-то выходит из кабины, кто-то заходит, а я стою, не дышу... Трудно!

...А пить надо пятью глотками.

- Это как?

- Стопку водки опрокинул и запил ее четырьмя глотками. Или кофий кушаешь и отмеряешь: первый, второй, третий...

- А если горячий попадетсЯ?

- Рассчитывай силы. Пять раз глотнул, сделал паузу, потом еще пять...

- Сложная у вас жизнь, Александр Анатольевич.

- Привык. Раньше я еще номера машин считал. В сумме должна была получиться цифра сто: 42-58, 67-33. Если вдруг оказывался незначительный недобор, например, 98 очков - 42 - 56, можно было разворачиваться и не ехать на работу, все равно день на смарку. Особой удачей у меня считалось сочетание 50 - 50, оно гарантировало успех. Сейчас, правда, я этого безумия лишен.

- Почему?

- Номера у машин трехзначные, не знаешь, что ли?

- Вы по-прежнему жаворонок, встаете по утрам ни свет ни заря?

- Ну, конечно. Поздно меняться в моем возрасте, надо следовать однажды выбранным правилам и привычкам. Вот сейчас мне уже трудно с тобой

Сейчас звучат обвинения, что Ширвиндт завидовал Андрею Миронову. А между тем они прекрасно ладили: и в жизни, и на сцене (спектакль «Безумный день, или Женитьба Фигаро»).

разговаривать, начинаю засыпать.

- Намеряете, мол, пора закружиться?

- Хочешь, посиди, послушай, как я храплю... Видишь, даже специально диван в кабинете поставили.

- Сомневаюсь, что вам среди бела дня подремать удастся.

- И правильно делаешь: у меня вскоре репетиция. Но вообще-то к обеду я успеваю полный рабочий день на ногах отстоять. Встаю обычно часов в шесть, поэтому к моменту вы-

хода на сцену в сон клонюсь. Так всю жизнь с собой и борюсь, профессия-то у меня совиная...

Ну? Какие еще у тебя есть вопросы?

- Да вот один остался. Не знаю, как и спросить...

- Опять, что ли, про вареный лук?

- Хуже. О вашей фамилии. «Ндт» в конце выговорить практически невозможно. Об облегченном варианте никогда не думали?

- О! Когда я был молодой и

еще работал в «Ленкоме», мы часто выезжали с шефскими концертами в какие-то колхозы, воинские части. В нашей бригаде был замечательный артист Аркадий Вовси, кстати, племянник знаменитого академика Вовси, проходившего по сталинскому «делу врачей». И вот представь ситуацию. Заканчивается выступление, на сцену поднимается замполит части или парторг колхоза и начинает благодарить товарищей артистов за прекрасный концерт. Хозяин хочет сделать нам приятное и принимается называть гостей по фамилиям. Делает это по памяти, в итоге Вовси превращается то в Прежде, то в После, а о Ширвиндте и говорить нечего. Как только меня не именовали! Самой распространенной версией был Ширвинут, когда «д» принимали за «у»... Были и такие варианты, которые не решусь здесь процитировать.

Кстати, когда в 56-м году я заканчивал училище, заботливые товарищи популярно объяснили, что с непрогнозируемой фамилией Ширвиндт мне нечего делать на сцене, и посоветовали взять псевдоним. Поэтому в Театре эстрады я дебютировал как Александр Ветров. Несколько месяцев скрывался под чужим именем, а потом вернулся на родину. С тех пор так и живу...